

18+

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2019 ГОДА

Александр Петрушкин Тетради 2019 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827575

ISBN 9785005044815

Аннотация

В книгу включены все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2019 году. Книга является очередной частью поэтического проекта «Тетради». Предыдущие книги проекта включают в себя все стихотворения автора, записанные с 2000 по 2018 год. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Всё полость или свет...»	6
Снегопад	8
«Квадраты воздуха округлы, виноваты...»	9
«Молчания белый плод ...»	10
«Глаз голубиный тяжёл, словно он в Арарат...»	11
«Если бы ты снимала кино, как одежду – зима проступала...»	12
«В начале я – отцу...»	13
«Текст, переписанный космосом, будет пустыней...»	14
«Изнанка голоса есть Брайль...»	15
Натуралист	17
«неочевидный человек...»	19
«Сеть света в глазнице лошади, проехавшей через нас...»	20
Список	21
«Из старого тела вынут был глаз золотой...»	22
«Если вкратце сказать, то получится «будем жить» ...»	23
«Там женщина идёт, ко рту...»	24
«По-прежнему из промежутков голоса...»	25
«а если отдыхать от этой кожи...»	27
Зерно	28

Исчезновение берега	30
«Человек, как бритва – лягушку...»	31
«В живой воде, как мёртвый...»	33
Childfree	35
«Тронь спицы воздуха и пряжу птиц – полёт...»	36
«Печатная машинка отрезает от бумаги по букве...»	37
«Реки Вавилона двигаются вовнутрь...»	38
«У подножья холма всё чужое: земля или небо ...»	39
«Животные обуглятся в следы...»	40
«Тело своё отколупывая, душа...»	41
«там, где они всё читали стихи [а свет повторялся...»	43
«Мёртвые нас победят, увеличив свои ряды...»	44
«И вероятней меня воспоминанье о мне...»	45
«Безусловен только снег, отсеченный белым светом...»	46
«Стрекозы опечатка на сетчатке у глаза реки...»	47
«И вот наступает момент, когда фотография пса начинает лаять...»	48
«Первая мировая закончилась через сотни...»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тетради 2019 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2020

ISBN 978-5-0050-4481-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Всё полость или свет...»

Всё полость или свет
от мрака отражённый,
который прячет вещь
внутри своих потёмок,

где крутит погремушку
ладошкой обожженной —
и смотрит в щель её
утраченный ребёнок.

Перебирает ночь —
агу тебе, пернатый,
висим меж голосов
и часовых поддатых.

Натянешь тишину —
молчание пробудишь
и воздух разомнёшь,
которым вскоре будешь.

Лети, лети, снежок —
неси меж позвонками
своими мой ожог
собаками, звонками.

(12/01/2019)

Снегопад

Не тяжелей метель дороги лошадиной,
но проще, чем вращать в морозы над собой —
растёт из веток снег большой и неделимый,
качая воробьиной, горячей головой.

Так потерявший свет руками по тьме водит
и судорогой сводит в дорогу стыдобу
и крошит свет на свет, упавший на пороге:
не надрезай его — я всё тебе верну.

(13/01/2019)

«Квадраты воздуха округлы, виноваты...»

Квадраты воздуха округлы, виноваты.
Всё глохнет, слепнет – вынь бельмо моё,
как электрические смерти киловатты
из механических заснеженных птенцов.
Будь пианистом-слесарем, слоном,
сугробом, свёрнутым в ключи или – в ключице
застрывшим – клювом ворона. Лети, лети по стуже
но – не слишком быстро.
Слепи снежок, как новый алфавит,
стучись из темноты прозрачной банки
и путай на самом себе следы,
чтоб в них блуждал безалкогольный ангел.
Во всём ты виноват, во всём, смотри,
как ты течёшь и протекаешь
– стоит?
но ты стоишь, всё это говоришь
и выжигашь куб, квадрат и нолик.

(29/01/2019)

«Молчания белый плод ...»

Молчания белый плод —
плеск изнутри весла

чья опухает плоть,
поскольку душа пришла —

на темноте скрипит,
не проявляясь, свет

или – так Бог троит
и примаинает смерть.

(25/02—4/03/2019)

«Глаз голубиный тяжёл, словно он в Арарат...»

Глаз голубиный тяжёл, словно он в Арарат
скомканным был и в ладонях горел, как ковчег:

более нет здесь возврата – как потоп наступает земля
новая эта – к которой подплывший прощён.

Если есть имя тебе – вовсе времени нет:
падает глаз голубиный и скручен в тоннель,

в мир тот, который не был – потому и Аид
в глаз голубиный разрезан, как хлеб и рассвет.

Тьма шелестит, как ковчег – говорит, говорит
беглый отец, тяжелея от света которым омыт.

(4/03/2019)

«Если бы ты снимала кино, как одежду – зима проступала...»

Если бы ты снимала кино, как одежду – зима проступала
то на коже твоей, то на воздухе том, из которого в тень
ты упала

с кольцами плёнки гремящей змеиной развёрнутой кожи,
слайдами из чешуи, в чей чулок, как в пластинку, был
временем сложен

берег морозный – игла ледяная над ниткой
птицы распушенной в пар и полёт, где улиткой

ангел стоит – сам себе белый лес или камень,
тело своё раздвигая, за снегопадом из камер.

(5/03/2019)

«В начале я – отцу...»

В начале я – отцу,
затем – отец,
что растворился
среди своих колец,

бегущих по
отсутствующего глади
при каждом в камень
падающем взгляде.

Так бабочка
касается лица,
в котором нет
[и не было] отца,

но лишь – круги
от всех её рождений
и скважина,
и ключ от беглеца.

(6/03/2019)

«Текст, переписанный космосом, будет пустыней...»

Текст, переписанный космосом, будет пустыней
синей, стоящей внутри у осины на Плесо,
будет касаться тебя, как ожог от осиной
талии, вдавленной светом в подбрюшье кресла.

Тяжесть вернее, чем старость свою, ощущая
там, где синица себя собирает из даров и провалов —
текст, словно мёд замирает у края (но здесь опечатка —
у рая),
чтобы тобой быть, пустыней, что небо и воды спасает.

(11/03/2019)

«Изнанка голоса есть Брайль...»

Изнанка голоса есть Брайль,
который сыплется наружу
покинуть человека рай,
чтоб человеческую стужу
смочь ощутить – он поперёк
растёт, как рыба за водою,
почти ещё косноязык
он тишиной, а не бедою
был собран – и на гвоздь свои
повесил плечи и предплечья
не то к молчанию привык,
не то красивой немотою
теперь он награждён на миг,
в который встроен высотой.

О как в нём высота растёт (!)
как – задыхаясь – он однажды
откроет тёплый её рот
теперь уже лишённый дважды
всей речи, что – скрипев внутри —
его скрепляла половины
и не давала умереть,
коль жизнь и смерть не очевидны.
Как изнутри течёт волна

чтобы язык мог раздвоиться
меж пальцев, там, где тишина
спешит в трёх лицах отразиться.

(11/03/2019)

Натуралист

Вижу, как черепаха щурится всей
кожей своей, состоящей из жёлтых щелей
испивающих холм, что здесь вырос когда-то над ней —
назовём его временем, мхом, словарём для горящих
шмелей.

Черепahi пружина сквозь панцирь зияет, сквозь ил,
что когда-то беглец для неё из неё сотворил —
из воды собирая прозрачные неба следы
из камней и людей, и их славы звериной (почти
из слюды).

И стекает слюна стрекозы, что присела на край
и качает бессмертия лестницы меж соляных,
лопастей и лопаток её насекомых (конечно, двойных)
меж которых стоит – всё ещё незадуманый – рай.

Вижу, как черепаха становится жизни длинней,
и морщины её облетают со многих деревьев,
и ложатся на дом, как вдоль тени своей вся земля,
что в приметы себе приписала мои суеверья.

Притворившейся богом природы предметы стоят —
то кивнёт там, где лошадь идёт, то под снегом за светом

ослепнет

черепаша: внутри – горсть земли и прибой, и его стыдоба,
что пред нею встаёт на песочные неба колени.

(12/03/2019)

«НЕОЧЕВИДНЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

неочевидный человек
идёт по снегопаду Бога —
его молчанием одет
от края выдоха до вдоха
чужим дыханием он полн
в пальто его ключи щебечат
и тычет Бог в ладони нос
невидимый бесчеловечный

(14/03/2019)

«Сеть света в глазнице лошади, проехавшей через нас...»

Сеть света в глазнице лошади, проехавшей через нас,
сокрыта льдом, словно книгой – лица ужаленных сном.

Суммирует их зима, перенесённая в март
кошкой, что развернулась и свет из неё изъят,

где – выбивая очередь – тасуются тьма и вид,
человек со своею смертью, с водой и песком Аид.

Похожая на Катер-бург – зола в пустоте поёт:
собрана, как человек, из освещённых пустот.

(15/03/2019)

Список

[...] бог [с малой] Бог [большой], меж ваших трещин
стоящий человек [как рёбра эха]
смывает оспы соты [удвоясь в Иова]
на берегах неназванного моря, как шум, стоит
меж чайками камней,
чтоб избежать рифмовки [прочитай: Шеола]
и голосов разборчивых теперь,

бог [с малой] им [как тени] был расчерчен
на [вынутой из Господа] волне.
И человек [увиденного список]
[как жест из смерти] вычтен и исчислен,
и удлинён до мокрой фотовспышки,
где улыбается [как подпись к ...] темноте.

(16/03/2019)

«Из старого тела вынут был глаз золотой...»

Из старого тела вынут был глаз золотой,
как маятник из причины проснуться семиждыстолетним
проёмом в дверях между каждой из трёх сторон
плоской вещицы, которая [так же] похожа на дверцу.

Из полых глаголов его и трети теперь не поймёшь
в лестницах снега, которой стоишь [под высотами снега],
греется кот [здесь зачёркнуто] греется крот
[снова зачёркнуто] плавится медное сердце.

Крот, что проделал дыру, как зрачок, на другой —
третьей – его стороне расплетает [фантазия?] тропы
многоугольных причин, чтоб качнулся, как зверь,
маятник, небо себе развязав на качели и тросы.

(16/03/2019)

«Если вкратце сказать, то получится «будем жить» ...»

Если вкратце сказать, то получится «будем жить» —
неустойчивый мячик толкать разрывной ногой
и – культёй души на псов небеса взойдя —
ощущать, как лопатки покрыты большой зимой.

Если коротко, тот, что здесь – далеко не я:
я – тот мячик, который пёс понесёт с водой —
подними, отпусти, надкуси – вот опять упал
/полетел/удивился – беременной стал землёй.

(17/03/2019)

«Там женщина идёт, ко рту...»

Там женщина идёт, ко рту
прижав ладонь прозрачной смерти,
и ангела рулон вокруг
расстелен ею на две трети.

Наполовину снег висит,
он, свет пройдя до половины
её, почти как идиот,
прозрачен, тёмн и невинен,

как женщина, что в снег идёт,
сама подобье снегопада,
подземный в небо переход,
что был не выбран, но угадан.

(17/03/2019)

«По-прежнему из промежутков голоса...»

По-прежнему из промежутков голоса
скворчат по мне [мол, выбери меня]
«вжух-вжух» горчит красивая коса
и душу выжимает из гнезда.

Здесь каждый жуток маятник внутри —
белеет и сгорает от стыда
пока по траектории летит
его – на ангела похожая – оса.

И столь же отвратительно легко
склоняет насекомое лицо
тобой задуманный [потом забытый] Бог,
как Эдгар По, зашедший высоко.

Внутри его фантазии слюна
напоминает, высохнув, росу,
которая рождением больна
и потому вмещает высоту

на – свёрнутых до неба – небесах,
на герпесе из вечности в губе
у человека, где живёт тоска

по ангелов разорванной резьбе.

По горочке косы летит, «вжух-вжух»,
как промежуток самому себе,
преодолевая небольшую смерть,
знакомый бомж по имени на Б.

(17—18/03/2019)

«а если отды́хаться от этой кожи...»

а если отды́хаться от этой кожи
устанешь, сбросив костяной мешок —
в спираль воды, в спираль из чаек дрожи,
напоминая марта водосток,

твоя молекулярная структура
рассыплется, чтоб наново собрать
из муравьиной ржавой неба кожи,
которую нам ангелы соврать
успели до того, как растворились,
воронкой став – точнее, вороньём —
ты будешь только атомом единым
вернувшись по спиральям этим в дом

Зерно

Время догоняет себя сквозь дистанции снов,
раскрутив человека, как окуляр —
к своей темноте прикладывая его темноты зерно,
из стены выходит шестирукий Уильям Блейк, словно пар.

В четырёх руках у него – воронят гнездо,
на шестой – огонь чтоб подпалить его,
оперевшись о пустоту, он несет ведро
с костяною сна – исчерпанною – водой.

Воронята сверлят дыру на его плече,
чтобы чрез неё посмотреть сюда, где была стена —
и дитёныш огня открывает кружок и дверь
для того, кто ожил на обратной стране зерна.

Он наводит резкость, вращаясь внутри огня,
гогоча внутри у скелета взрывной реки —
и гремит во ртах его воронка из воронья,
выпивая красной глоткой щенячий и тёплый Стикс.

И под линзой воронки, как пожар, спешит шестикрылый
Блейк —
в голове у него, как рога, через смерть человек растёт —
покидая вечность, как самоходный дым,

вырезает зренье своё и на руке несёт.

(19/03/2019)

Исчезновение берега

Этот берег исчезнет раньше реки, у которой он —
словно пёс – сидел и ушёл, и со всех сторон
на себя смотрел, выцарапывал эха дно,
где себя ловил, вынимая из всех заноз
и, сложившись в тень лодки ждал, кто его вдохнёт.

На трахее его, обретая истории ил,
копошились все прежние звери – куда не взгляни
ты наткнешься на перечни, поручни и следы,
что он вывернул / вывихнул / спутал в корней бинты.

И пульсирует берега лёгкого чешуя
там, где рыба торчит, над собою в чайке привстав,
и из клюва её понемногу сочтется пёс,
вспоминая реки, которыми он оброс.

(19/03/2019)

«Человек, как бритва – лягушку...»

Человек, как бритва – лягушку,
разрежет смерть
от подмышек до синевы лобка,
выбирая треск

из [в груди́не её
собравшихся] воробьёв,
что тачают из воздуха двери,
в которые он войдёт —

мягкий и тихий,
белый, большой, как шар —
смерть рассмотреть, словно школьник
к линзе её припав,

как снегопад пропадая
[в жирной вдвойне] смоле.
Смерть исчезает, когда ты
идёшь в её животе

и удивлённо видит
то, как скользит коньком
человек с [её] жёлтым, надорванным
[выдохом света] ртом.

(30/03/2019)

«В живой воде, как мёртвый...»

В живой воде, как мёртвый,
прозрачный Бог живёт
и по изнанке бродит,
как паузы окно,

меж светом и прибором,
весёлый алкоголь
в молчания он носит
мешке. Как перегнутой

он попевает всюду
немного помолчать,
быть незаметным, трудным
и лёгким, как печаль

о жизни или смерти,
которых вовсе нет,
где Бог твердит «о, боже»
и слушает ответ,

где паузы живые
внутри его растут,
косноязычье неба
в грай человекaв гнут.

(1/04/2019)

Childfree

Труба, как смерть, гудит внутри,
горит метель из человека
и говорят в его вдали
Бог, ангел, срезанное веко.

Труба всё ищет А и Я —
так женщина, на сорок третьем,
вдруг ощущает, что одна
здесь одиночеством согрета.

Внутри её горит дитя,
что, вместо смерти, удалила —
похожее на куст стыда,
который не – проговорила.

Стоит в её степи дыра,
свистит голодная траншея —
и – вырезаны, как змея —
не-бывшие в тьму тянут шею.

(02/04/2019)

«Тронь спицы воздуха и пряжу птиц – полёт...»

Тронь спицы воздуха и пряжу птиц – полёт,
как шарф, они соткут из неба ожиданьем,
где обжигают человека плод
оруций, мокрый. Это бы камланье

листва запомнила б, но не было листвы —
лишь шелест и огонь, и полый ветер,
в котором человека плот несли
невидимые ангельские петли.

Скрипело время в нём сверчком, как ключ,
приподнимался, сквозь лицо Отца, без гнева
похож на ад и рай, и снега плющ,
ушедший человек, себе связавший небо.

(3/04/2019)

«Печатная машинка отрезает от бумаги по букве...»

Печатная машинка отрезает от бумаги по букве,
выстругивает дерево и окно из воздуха дыбы,
стучащей в дверь, вычеркнутую из звука
песка, исчерпанного, как голос

и примечание на красных полях у рыбы,
ткущей вОды, которые сверху и снизу
лодки { читаю: топкой земли для мифа },
порезанной из бумаги ножами прекрасной ошибки,
которая себя умножает, перебирая выдохов нитки.

Если встаёшь лицом к смерти, то не чувствуешь себя
одиноким —
видишь, что ты – машинка печатная в каждом глотке
у жажды,

вырванной, словно свет из тоннеля слова —
свет лежит у себя в лице и, задыхаясь, как зверь, на себе
вырезает жабры.

(8/04/2019)

«Реки Вавилона двигаются вовнутрь...»

Реки Вавилона двигаются вовнутрь,
ссадины струй своих держат в подобье рук —
в сучьях синеющих пальцев [считай: фаланг
дерева между речью]. Вокруг – леса
песочные выгорают – сияют пророком в львах,
стволы соляные горят у воды в семи головах:

В чреве воды крутится, как мельницы жернова,
того, кто вернётся первым, огненная булава —
младенцев на солнце вынет, чтобы их иссушить
или язык свой вырвет, чтобы из тьмы говорить:
медленны эти реки, ссадины, львы, столбы —
опустошённый речью в красной глине стоит.

(04/2019)

«У подножья холма всё чужое: земля или небо ...»

У подножья холма всё чужое: земля или небо —
скудны вещи, которые – взяв – посчитать не решился
жаркий глаз у птенца, расклевался со всей теснотою
и лететь, словно взгляд, из его оперенья решился.

Бельма, пятен его темноты круглый сыр разрезая,
как смородины спил видят берег и мокрым, и дымным
и взлетает душа сквозь песок, позвонки и паренье холма
за ножи принимая,
если взгляд вероятней, чем глаз и длина, то есть глубже
долины.

(09/04/2019)

«Животные обуглятся в следы...»

Животные обуглятся в следы.

– *Свои, свои* —

кричит им вслед мешочник-
отец, расщеплен словом соловей,
как голос на молчания. Так точен
лишь взгляд рождённого, нелепо не стыдись,
он тянет свою дату, как подстрочник,
до самой смерти и в руке его
горит платона бледный позвоночник.
Вот он [отец] идёт сквозь лабиринт,
который вырыт был внутри животных
его следов

– *свои, свои* – считает
и в мешок кладёт их
снова.

(12/04/2019)

«Тело своё отколупывая, душа...»

Тело своё отколупывая, душа
стоит, как солнечные часы —

выходит разбойник, говорит «Ша!
вот отсюда в огонь полетишь, в пласты,

воздуха, сжатого в лёгкие, в
девицу, вынутую из тебя

сентября длинного каблуком,
как земли вывихнутая верста».

А душа всё в семечке смерть грызёт
и летит по дуге её шелуха,

и щербат её бессловесный рот
и длинна внутри, как вода, дуга —

на плече у неё белый свист висит
и из глотки её в свет излёван мёд.

И морозец ранний, как конь, болит
и от тела её почти ничего.

(15/04/2019)

«там, где они всё читали стихи [а свет повторялся...»

там, где они всё читали стихи [а свет повторялся
в узком тоннеле [зачёркнуто] в светлом фойе,
в мокром зале
голос двоился – и был универсум в молчанье
дымном и частом, как перемотки дрожанье]

свет разливался по вынутой слова копейки,
бёдра и рёбра её под собой различая,
вынутый рай будто пёс языком своим терпким
пятился снова обратно в земли бедной пятна

«Мёртвые нас победят, увеличив свои ряды...»

Мёртвые нас победят, увеличив свои ряды
ступай осторожно – потому что мы их следы,

ходоки под снегом, Престолы, что падая через свет
возглавят полки врагов своих – остального нет

даже в остатке. Это плоть под стопой скрипит,
это всё, чем ты был, за тобою следит, горит —

цитадель сороки, стрекочущей из земли —
вырывай язык из ямы внутри воды,

что стоит, как смерть вокруг, головой трясёт
лошадиной в тебе и воскресших своих ведёт

сквозь тебя и взведя просветы ангелов, как курки,
выпивает всё, чтобы мёртвый здесь мог взойти.

(06/05/2019)

«И вероятней меня воспомяненье о мне...»

И вероятней меня воспомяненье о мне,
дырка в руке рыбака, света укус на стене

чья деревянна, как боль, вывернута высота,
как из сустава земли – тени и их облака.

Всё очевидней, чем я, и больше разобранных букв
даже моя темнота или сверчка белый звук.

Нить неприметней, чем ткань, сшитая в небо ей,
непредставима и – оттого слышней.

«Безусловен только снег, отсеченный белым светом...»

Безусловен только снег, отсеченный белым светом,
как дракона голова – вот и катится он между
иероглифов китайской вишни тише или ниже
на дыханья нити он здесь подвешен, а надышит
снега ножницы и вниз он летит – за всё отвечен
белой ранкой, как порез, от себя теперь излечен.

«Стрекозы опечатка на сетчатке у глаза реки...»

Стрекозы опечатка на сетчатке у глаза реки
руки тянет, чтобы вынуть гнилушку или – звезду из воды
вырезать себе в зренья колосья, и горит и горит
опечатка стрекозья из склонённых, за жаждой, светил.

«И вот наступает момент, когда фотография пса начинает лаять...»

И вот наступает момент, когда фотография пса начинает лаять,
подмигивает тебе в ответ – затем пропадает собака, остаётся бумага, чтобы её разгладить, как шерсть или старость, а после сидеть и плакать, становиться ангелом, то есть слепым и зрячим, видеть все щели, где свет мы на тёмное время прячем. Время ворочается, как негатив полыхает — на собачье спине, то к лицу прильнёт и оближет, а то отпрянет.

«Первая мировая закончилась через сотни...»

Первая мировая закончилась через сотни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.